СОБЕСЕДНИК 37'2002
18 сент. с 22, 23

Николаю Петрову кажется, что он родился лет на сто позже, чем надо

фото на развороте Натальи Логиновой

ЖИЗНЬ В ЭПОХУ гегемона маргиналыча

Николай Петров нечасто выбирается в Москву. Если только на концерт, репетицию или деловую встречу. Николай Арнольдович предпочитает жить за городом, в благости и спокойствии, как и подобает настоящему гедонисту. Знаменитый пианист и другим советует брать от жизни лучшее, получать максимум удовольствия...

Оборона Николиной горы

— Хорошо тут у вас, Николай Арнольдович...

— Ага! Особенно если не вникать в детали. Неподалеку находится уникальная березовая роща, в которой Андрей Тарковский снимал «Иваново детство», а Михаил Калатозов — «Летят журавли», словом, место незаурядное, историческое. Может, другого такого больше нет во всем Подмосковье. Всего-то два с половиной гектара. И что вы думаете? Собираются там строить коттеджи! Будто больше негде! Гомункулусам, мерзкими рылами сунувшимся под эти березы, ничего растолковать нельзя. «Какие березы? Тут будут наши особняки!» Может, они и фамилию Тарковского никогда в жизни не слышали? Готовы даже Патриаршие пруды осушить, лишь бы удобнее парковать свои «Роллс-Ройсы» у подъезда. Чтобы до этих уродов достучаться, надо иметь собственный бронетранспортер... Я председатель правления дачного кооператива на Николиной и на такие чудеса насмотрелся — боже, избави!

— Но ведь свет клином на даче не сошелся, вам и в Москве есть где голову преклонить.

— Верно, но, знаете, голова там как-то не преклоняется. В городе никогда не ночую, обязательно возвращаюсь сюда. Я болею Николиной, не могу без нее. Подозреваю, это даже не любовь, а какая-то психическая зависимость. Стал безумно ленив, мне неохота выбираться на тусовки в так называемый свет. Надоело...

Хотя дело, конечно, не в банкетах или фуршетах. Этого можно избежать. А вот куда, к примеру, спрятаться от «морковного кофе», жуткого, отвратительного суррогата, заполонившего эстраду, телевидение? Нельзя без слез смотреть то, что у нас называют сатирой. Раньше шутили Райкин, Хазанов, Карцев с Ильченко, а сегодня Петросян со Степаненко да железобетонная Дубовицкая. Меня выворачивает от них. Но еще чудовищнее зрелище битком забитого и радостно регочущего зала. При этом Гена Хазанов рассказывает, что Роман Карцев не собирает аншлагов — пипл не хавает. Этот юмор маргиналы не воспринимают. Зато пошлые анекдоты о голой заднице и похождениях алкаша в женской бане вызывают у толпы смех до икоты.

Масса реагирует исключительно на голую задницу

— Брюзжите, Николай Арнольдович.

— Я воспитывался на Зощенко, Булгакове, Чапеке, Ильфе и Петрове, и мне грустно, когда омерзительнейший «Аншлаг» становится неким эталоном. Повторяю, не могу это видеть и сразу выключаю телевизор, но ведь многие смотрят! А теленачальство прикрывается рейтингом. Дескать, раз людям нравится, надо показывать. Будто хорошо лишь громко звучащее и ярко сверкающее! Опошлить можно все. Вспомним классическую ленинскую фразу об искусстве, принадлежащем народу. Нас учили понимать слова Лукича...

— Наверное, хотели сказать Ильича?

— Я и говорю: Лукича... Его слова трактовали в том смысле, что искусство должно быть доступно простым людям. На самом деле этот упырь писал Кларе Цеткин о другом: искусство принадлежит народу и должно быть понято им. Казалось бы, разница невелика, но если в одном случае искусство низводилось до уровня, как я говорю, Гегемона Маргиналыча, то в другом — речь шла о том, чтобы поднять интеллект народа до понимания высокого искусства. Это долгий и трудный путь, но мы обязаны по нему идти, иначе превратимся в культурную сахару, ибо пока основная масса людей реагирует исключительно на голую задницу Степаненко. Может, и не ее лично, но из ее рассказов о бане.

...Иногда кажется, что я родился лет на сто позже, чем надо. Сейчас ведь эпоха Хама. Даже не с одной, а с трех больших букв. ХАМ настигает тебя везде — в квартире, на улице, на работе. Это Хам едет в «Мерседесе» с охраной, плюя на светофоры и дорожные знаки, это он приходит и говорит: «Выметайся отсюда со своими пианинами. Тут будет мое казино!» Такой же Хам в 17-м году врывался в квартиры питерских и московских интеллигентов, бил зеркала, гадил в парадных, осквернял храмы. Потом он же создавал спецраспределители, спецполиклиники, спецсанатории и прочие спец для себя и приближенных, стучал башмаком по трибуне ООН...

— И что делать? Терпеть, прячась на Николиной горе?

— Каждому — свое. Кому-то — изображать Дон Кихота, а для меня, может, честнее здесь сидеть, не участвовать в балагане. Никогда не опущусь до разговора на языке Хама, не уподоблюсь этим «хозяевам жизни». Мне скандалы ради пиара не нужны, лучше уж подышать свежим воздухом на веранде, послушать, как сосны шумят...

Покупка квартиры Андропова на Кутузовском

— Значит, на Кутузовском проспекте вам дышится хуже?

— Зачем спрашиваете? Будто без меня ответ не знаете.

— Знаю, но надо же плавно переводить разговор на то, как вы стали обладателем бывшей квартиры Юрия Андропова.

— Как стал? Самым обычным, законным образом. Купил ее много лет тому назад.

— У родственников Юрия Владимировича?

— У государства.

— Как вам это удалось?

— В общем-то все произошло достаточно случайно. Я не ставил цель заполучить именно жилплощадь бывшего генерального секретаря ЦК КПСС — никаких амбиций такого рода или, скажем, соображений престижности. Но моя семья жила в полуразрушенной квартире, и нам элементарно нужно было обзавестись чем-нибудь поприличнее. От знакомых узнал, что умерла вдова Юрия Владимировича и осталась так называемая выморочная квартира. Я обратился к городским властям с просьбой продать жилье. Никто вроде бы не возражал, но, оказалось, слово первого лица решает далеко не все. Клерки, чиновники среднего звена без особых проблем могут замотать любую резолюцию высокого начальства. Все тонет без следа, как в болоте.

Словом, история с андроповской квартирой затянулась года на полтора, не меньше. Я этим заниматься не мог, и тяжесть походов по кабинетам легла на Ларису, мою жену. Ее долго гоняли по кругу, пока у меня не лопнуло терпение. Я пришел в приемную Лужкова и сказал, что не сдвинусь с места, пока не увижу Юрия Михайловича. Ров-

но на полторы минуты. Мне этого времени хватило бы. Я не шутил и в самом деле настроился стоять, сидеть или лежать в приемной до последнего.

— И кто же оказался последним?

— Помощник Лужкова. Он показал мне рабочий график Юрия Михайловича.

— В нем не нашлось полутора минут для профессора, лауреата, дипломанта и прочая-прочая?

— Мне предложили изложить суть проблемы на бумаге, дав заверения, что мэр лично прочтет письмо. Действительно, получив его, Юрий Михайлович начертал резолюцию: «Рассмотреть немедленно!» И лишь после этого машина закрутилась. Спасибо мэру!

— Кроме вас, на квартиру Андропова еще кто-нибудь претендовал?

— Специально не интересовался, но слышал, Александр Коржаков рассчитывал ее получить. Причем, в отличие от меня, хотел сделать это бесплатно, на халяву.

— А вы тогда сколько заплатили?

— Точную сумму не вспомню, но по тем временам она была гигантской. Этой истории уже ведь лет десять... Но самое, на мой взгляд, любопытное — не сумма, а то, что за все эти годы я так ни разу и не переночевал на Кутузовском!

— Не хотите тревожить дух усопшего главы Лубянки или попросту опасаетесь привидений?

— Никакой мистики. В квартире жили моя покойная матушка и Женя, дочка, а я периодически наведывался к ним с Николиной. Однажды, помню, даже передохнул на дочкиной кровати перед концертом, но не более того.

Генсек ЦК был скромен в быту

— ...Впрочем, если начистоту, мысли о прежнем жильце меня беспокоили. Мы даже специально вызывали священника и экстрасенсов. Те «прозвонили» комнаты, безошибочно определили, где находилась разобранная позже стена, и почему-то сказали, что в квартире убивали людей.

— Серьезное заявление!

— Полагаю, до смертоубийства все же не доходило, хотя допускаю, что Андропов брал, так сказать, работу на дом и мог подписывать какие-то бумаги, приговоры...

Квартира, безусловно, интересная. Например, деталь: когда мы туда въехали, там не было ни одной импортной вещи. В буквальном смысле слова! Даже из братской Болгарии или Польши. Все только родное, сделанное в СССР. Помню, в гостиной стоял торшер: металлическая трубка, а на ней два целлулоидных колпачка — розовый и голубенький. Наверное, такие же торшеры украшали жилье еще миллионов советских семей. Или, скажем, трюмо: тумба из белого дерева и узенькое зеркало. Подобные я встречал в дешевых привокзальных гостиницах в провинциальных городках. В духовке газовой плиты на кухне жена обнаружила слой пыли — там никто никогда ничего не жарил...

— Наверное, человеку возили еду из цековской столовой или он вообще жил на даче.

— Думаю, так и было, но я сейчас говорю об отношении к быту. Речь не о том, что хорошо, а что плохо, но, согласитесь, прежние руководители вели себя несколько по-иному... Бытовая скромность Андропова граничила с аскетизмом. С другой стороны, меня поразило количество портретов Юрия Владимировича, развешанных по разным комнатам. Когда мы купили квартиру, родственники Андропова долго не увозили вещи, а мы никак не могли начать ремонт, поэтому ходили и смотрели на эту картинную галерею. Не поверите, одно из полотен было сработано из зерен кукурузы. Помните, Ильф и Петров писали о картине из овса? Я воспринимал это как шутку, а тут воочию увидел произведение искусства из кукурузы. Должен сказать, что работали настоящие мастера: сходство с оригиналом поразительное!

— Одно время поговаривали об открытии музея-квартиры Андропова...

— Вот об этом ничего не знаю.

— А правда, что к дому на Кутузовском подведена спецлиния метро?

— Так и есть. Если спуститься по черной лестнице, попадешь прямиком в московскую подземку. Эта ветка соединяла Кремль и аэропорт Внуково.

— Вы ездили по ней?

— Кто бы мне дал? Нет, там все давно законсервировано, замуровано. Зато в квартире я находил много таинственных заглушек.

— И что за ними?

— А я не стал отковыривать. Что называется, во избежание. Может, там микрофоны, может, еще что...

— Площадь у квартиры большая?

— Метров сто пятьдесят. На мой взгляд, очень скромно для генсека ЦК.

— С кем соседствуете в доме?

— Из прежних жильцов почти никого не осталось. Ни Щелоковых, ни Брежневых... Все продано-перепродано. По-моему, только Владимир Долгих из стариков живет.

— А с Андроповым вы когда-нибудь встречались?

— Только с его сыном и невесткой.

— Людмилой Чурсиной?

— Да-да, с ней... Она, кстати, активно возражала против того, чтобы андроповское жилье досталось мне, но и я уже не мог отступиться.

Олег Романцев — мой сосед на Остоженке

— А чем плоха ваша фамильная квартира на Остоженке?

— Я же говорил: мы не имели возможности привести эту развалюху в порядок, поскольку нам некуда было деться. Кроме того, там все комнаты — проходные. Сейчас я приспособил квартиру под офис собственного фонда. Иногда использую и в качестве студии. Там стоят два отличных рояля, туда приходят мои студенты, мы с ними играем.

— Соседи не жалуются?

— Вроде бы нет. Люди вокруг живут уважаемые, интеллигентные. За стеной — Анатолий Кучерена, адвокат, надо мной — Олег Романцев, футбольный тренер. Еще якуты целое крыло занимают вместе со своими алмазами. Все сделали евроремонт, звукоизоляция надежная, поэтому, хочется верить, я никому не мешаю. Впрочем, повторяю, львиную часть времени я провожу на Николиной горе, поэтому физически не в состоянии досаждать соседям с Остоженки.

— Смотрю, у вас здесь и корт персональный есть. Любите побросать мячик через сетку?

— Любил. Зачехлил ракетку из-за серьезных неладов с позвоночником. Были страшные болевые приступы! Пришлось перейти в разряд зрителей и болельщиков, хотя прежде играл в теннис достаточно неплохо, на уровне второго разряда.

— Имели постоянных партнеров?

— Обязательно! У нас тут много заядлых теннисистов. Свои корты у Капиц, Туполевых, Мясищевых... Всего штук десять, не меньше.

Коллекционер гжели и фанат видео

— На любви к гжели ваша физическая форма не сказывается?

— К счастью, нет. Гжельский фарфор собираю четверть века, не меньше.

— С чего все пошло?

— Я уже как-то рассказывал об этом вашим коллегам... У меня, как и, наверное, у многих, были дома отдельные гжельские вещицы — сахарница, заварочный чайник. А потом однажды позвонил Саша Иваницкий, олимпийский чемпион и мой добрый приятель, и сказал: «В красноармейский универмаг завезли гжель. Поехали взглянем». Мы сели на машину и поперли в этот Красноармейск. Ехали долго. Когда добрались, на радостях скупили все, что было в магазине. С этого и началось. Потом я стал искать гжель везде, где мог. Тогда ведь в свободной продаже ничего не было, все приходилось доставать из-под полы или через валютные магазины, платя при этом безумную цену. Сегодня понятие «дефицит» отсутствует, но цены по-прежнему кусаются. Тем не менее у меня собрано около 800 предметов. Есть и уникальные, дорогие. Друзья, знакомые в курсе моего хобби и часто дарят на день рождения и разные праздники именно гжель. Коллекция очень пополнилась после моего последнего юбилея. Правда, были и дубликаты. Я долго размышлял, что же с ними делать, ведь держать вторые экземпляры вроде бы и ни к чему... В итоге совершил поступок, за который внутренне попросил прощения у даривших. Я поехал в фирменный магазин гжели, где меня хорошо знают, и обменял дубликаты на изделия, которых не имел.

— Вы настоящую гжель от подделки отличите?

— Обижаете! Хорош коллекционер, если фальшивку не распознает! Другое дело, что и выступать в качестве эксперта я не готов. Собираю ведь для себя, удовольствия ради. Мне радостно становится при взгляде на эту бело-голубую красоту. Я не покупаю ни розовую, ни золотую гжель, мне нравится именно эта, самая простая.

— А в Дельфте были?

— Обязательно. Привез оттуда несколько вещиц. Их не отличить от нашей гжели!

— Разумеется. Правда, голландцы научились делать эти вещицы на пару веков раньше.

— Да, говорят, будто гжель — испорченный дельфт, но Логинов, директор гжельского завода, доказывал мне, что это не так. По его мнению, наше производство развивалось самостоятельно.

— Да ну... Пусть ваш директор в Питер съездит, сравнит во дворце Меншикова дельфт начала XVIII века с работами русских мастеров.

— Не готов вести профессиональный спор, доказывать, кто старше и лучше. Честно говоря, меня это мало занимает. Да и вообще, признаться, я постепенно остываю к прежним увлечениям. Нет, к гжели это не относится, ее по-прежнему люблю, а вот, например, страсть к видео прошла начисто. Я ведь еще недавно являл собою пример страшного фаната! На втором этаже этой дачи у меня была оборудована видеотека на несколько тысяч фильмов. Каждая кассета стояла на строго отведенном ей по каталогу месте... Не дай бог, если кто-нибудь что-то тронул без спроса!

О, с этими фильмами у меня связано столько историй! Помню, как контрабандой пытался провозить кассеты в СССР, а бдительные таможенники меня обезвреживали. Однажды поймали с картиной «Девять с половиной недель». Сказали: порнография! Но я человек упрямый, добился-таки, чтобы кассету вернули. Мне ее отдали. Чистую. Размагнитили все таможенные хамы!.. Сегодня эти страсти уже не понять, в любом пункте видеопроката можно найти фильм на самый изысканный вкус. К тому же я поставил тарелку «НТВ+», а там четыре киноканала. Всегда можно подобрать что-нибудь по душе. В общем, поняв бессмысленность хранения кассет, я решил с ними расстаться. Ясно же, что никогда не стану их смотреть. Зачем будут зря пылиться?

— Продали?

— Подарил! С большой жалостью, но подарил.

Обожаю «Битлз» и не переношу Земфиру

— А какое кино вы предпочитаете?

— Вкус у меня достаточно пролетарский. Я не поклонник высокоинтеллектуального кино и до сих пор помню огорчение, постигшее меня на премьере «Репетиции оркестра» Феллини. Даже хотел уйти из зала. Мне, человеку с высшим образованием и с некоторым, скажем так, уровнем культуры, не нужно при помощи кинематографических ухищрений рассказывать, что тоталитаризм — это плохо. И от Пазолини меня тошнит, хотя любой его кадр можно заключать в рамку и вешать на стену как картину. С другой стороны, это его любование отроческими задницами... Я принадлежу к сексуальному меньшинству, у меня есть жена, я очень люблю женщин и ненавижу агрессивную педерастию.

— Еще раз, Николай Арнольдович: кого вы называете меньшинством?

— Людей с нормальной сексуальной ориентацией, уважаемый! Нас теснят голубые! Их миллионы! Я дважды наблюдал так называемые Love Parade — в Берлине и в Копенгагене. Боже, как это мерзко! Даже говорить не хочу! Уж лучше про кино.

— DVD, домашние кинотеатры — это счастье у вас есть?

— Нет, я до этого не дорос. Мои знания в области техники весьма ограничены. К компьютеру на пушечный выстрел подойти боюсь. В доме у меня до сих пор стоит аппаратура, привезенная из Японии в конце 70-х. По тем временам это была вершина мирового прогресса, а сегодня — каменный век. Но ничего, меня устраивают и виниловые пластинки, и компакт-диски. За новинками пусть молодежь гоняется.

— Интересно, Николай Арнольдович, ваши музыкальные пристрастия ограничиваются классикой? Скажем, битлы слух не режут?

— Что вы! Я их обожаю! И «Битлз», и «Роллинг Стоунз». Я яростный враг мерзкой, смердящей попсы, но глупо спорить с тем, что талантливо. Например, с удовольствием слушаю Трофима. Временами это грубовато, зато смешно. Хорошие песни есть у Сюткина, у Газманова. А вот когда слышу: «Ты целуй меня везде, восемнадцать мне уже», рефлекс один — рвотный. Нет, я не ханжа, скорее раблезианец, единственное, чего органически не переношу — тухлой пошлости. И, повторяю, хамства, олицетворением которого на эстраде для меня является Земфира.

— Что так?

— А вы не видите, как она ведет себя на концертах, как разговаривает с журналистами? Ладно бы одна Земфира! Таких, как она, сотни!

...Что-то я опять начинаю заводиться, а мне этого не хочется. Какой прок толочь воду в ступе? Свое мнение я высказал, вы услышали, ну и слава Богу!

Я принадлежу к сексуальному меньшинству, у меня есть жена, я очень люблю женщин и ненавижу агрессивную педерастию.

■ **Андрей Ванденко.**